

Е.А. Самарская

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ ИСТОРИИ КАК ФИЛОСОФСКИЙ ПРИНЦИП (ПО РАННИМ РАБОТАМ Р. АРОНА)

Самарская Елена Александровна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: Helene-Samarskaya@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению взглядов Р. Арона на историю, которые он развивал в своих ранних философских текстах. Автор исходит из предпосылки, что взгляды Арона на этот предмет менялись, в шестидесятые годы они несколько иные, чем в конце тридцатых годов. Но уже вначале они имели антиметафизическую направленность и формировались под влиянием немецких неокантианцев конца XIX – начала XX вв. Он перенял у них принцип понимания как средства познания прошлого, но истолковал его не в духе интуитивизма, а на интеллектуалистский лад, когда понимание событий прошлого основывается на воссоздании исторических ситуаций и соответствующих решений субъектов истории. Но Арон критически относился к сциентистским наклонностям неокантианцев, в силу чего они оказались беспомощны перед глобальными философскими проблемами, которые не поддаются решению позитивистскими методами. В то же время Арон признавал, что они прокладывали путь новой (неметафизической) философии, которую молодой Арон именует «историзмом», «релятивизмом». В главной своей философской работе раннего периода «Введение в философию истории» Арон делает центром рассмотрения деятельность наблюдателя прошлого, историка. Последний судит историю, исходя из настоящего, из собственного жизненного опыта и дает рациональную реконструкцию исторических событий. Обусловленность видения историка настоящим и незавершенность истории узаконивает факт множественности ее интерпретаций. Понятие прогресса оказывается при этом распространением на прошлое точки зрения настоящего. Ранние тексты Арона – «Критическая философия истории» и «Введение в философию истории» отличает антропологический подход к истории. В пятидесятые–шестидесятые годы его подход к ней меняется: в результате исследований единого индустриального общества Арон переходит к макроанализу истории, в этот период и позже у него вырабатывается стратегический подход к истории, так завершается цикл исторических интерпретаций, в начале которого была теория понимания.

Ключевые слова: Философия истории, прогресс, неокантианство, теория понимания, детерминизм, тотальность, экзистенциализм, историзм

Мы живем в эпоху, когда утрачивается оптимистическая вера в прогресс, во времена разлома устоявшегося мира, мы сталкиваемся с чем-то неизведанным. Идеологии прогресса уходят в прошлое: философия Гегеля, который

говорил о движении мирового духа от непосредственности к опосредованности и далее к синтезу того и другого, Маркса, представлявшего историю как переход от первобытного общинного строя к миру индивидуализма и частной собственности и в перспективе к новой форме общинного начала (коммунизму), Сен-Симона и О. Конта, рассматривавших историю как развитие эпох – от теологической стадии к метафизической и затем к позитивному обществу. Все четыре названных персонажа – метафизики, верившие в высшую заданность исторического прогресса, в его неизбежность, которая диктовала направление усилий людей. В наше время, когда очерченные названными прогрессистами перспективы обнаружили свои отрицательные стороны, происходит что-то новое, исторические круги разомкнулись, видны разрывы в истории, она теряет свою закономерную форму и перед нами встает вопрос об ориентирах в движении к будущему. Арон раннего периода был остро задет ощущением краха исторической закономерности.

Философские истоки мысли Арона. После окончания Высшей нормальной школы Арон в начале 1930-х гг. оказался в Германии, где прожил несколько лет и испытал влияние неокантианцев, В. Дильтея, Г. Зиммеля, Г. Риккерта и особенно М. Вебера. Он и познакомил французских читателей с их творчеством, издав в те же 1930-е гг. книгу под названием «Критическая философия истории». Немецкие неокантианцы привлекли внимание Арона тем, что разрушали метафизический подход к истории и искали возможность ее позитивного исследования. Они наблюдали крах гегельянства и активно ему содействовали, видя в гегелевской системе завершение традиционной философии. В борьбе с ней антиметафизики обратились к кантианству, черпая свое вдохновение в лозунге «Назад к Канту». Их цель заключалась уже не в том, «чтобы сходу определить смысл становления человечества». «Как “Критика чистого разума” не позволяла духу приблизиться к истине интеллигибельного мира, так критическая философия истории отказывается от познания конечного смысла эволюции. Анализ исторического познания относится к философии истории так, как кантовская критика относится к догматической метафизике»¹. Отсюда вытекала задача для историка – отказаться от идеи метафизической завершенности истории и найти в ней место для новых решений относительно истины и выбора индивидов.

В поисках доказательства существования истины истории Арон обращается, например, к Дильтею. Последний привлек его тем, что «мечтал» о строгой научности в исследовании человеческой истории и хотел ее выстроить на иных основах, ином методе, чем основания наук о природе. Арон так излагал его мысль: «Нет больше философии, есть философски ориентированное позитивное исследование»². Решить проблему позитивного исследования истории Дильтей пытался в рамках своей философии жизни, исходное данное в истории – «психологическое единство жизни»³. На этой основе Дильтей разработал для гуманитарных наук свой метод понимания: исторический и духовный миры мы улавливаем «изнутри, в самонаблюдении, а не только во внешнем восприятии»⁴. В гуманитарных науках речь должна идти не о рационализме в духе Декарта или Конта, следует брать для исследования целостное существо, искать разум, имманентный интуиции, т. к. «интеллектуальные связи должны быть имманентны чувственно данному»⁵. Арон считал

¹ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000. С. 11.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 41.

попытку Дильтея выстроить метод понимания, исходя из психологической основы индивидуального бытия, неудачной, так как при этом затруднительно для наблюдателя понять другого, выйти за пределы самого себя и открыть измерение универсального. Впрочем, в последний период своей жизни Дильтей сам отказался от психологизма. Арон усвоил этот метод понимания, но придал ему, в отличие от дильтеевского интуитивизма, интеллектуалистский характер: историк понимает действия участника событий, если он документально восстанавливает объективную ситуацию прошлого. Но историк ограничен в своем понимании прошлого собственной эпохой, ее ценностями и просто предрассудками. Это одна из причин того, что его понимание имеет сугубо вероятностный характер. Отчасти из этого вытекает у Арона мысль о множественности смыслов истории, определенных позицией наблюдателя (историка): *многозначна историческая действительность и многозначны ее истолкования. «Историческая действительность, будучи действительностью человеческой, неоднозначна и неисчерпаема»*⁶.

Есть у Арона и другое, более глубокое истолкование многозначности истории, он воспринял его у Дильтея. Оно связано с трактовкой вопроса о соотношении частей и целого в гуманитарных науках. Особенность тут в том, что целое имманентно связано с частями и, как пишет Арон, излагая мысль Дильтея, «в конечном итоге, чтобы исчерпать объяснение фрагмента жизни, нужно было бы понять все становление и познать все законы»⁷. Если применить этот тезис к трактовке науки истории, то получится вывод, что наука истории сама исторична, она развивается, следуя за становлением реальной истории. Арон одобряет мысли Дильтея о незавершенности истории, говоря, что «никакая история не имеет абсолютно универсального характера, но окончательная причина этой специфики заключается не в том, что каждое настоящее видит прошлое иначе. Эта причина исходит из более глубокой истины: никакая история не имеет завершенного характера, потому что значение или смысл фиксируется только в конце эволюции. Универсальная история – это биография, почти автобиография человечества: как и смысл всякого существования, смысл существования человечества может быть исчерпан только в том случае, если это приключение будет завершено»⁸. Итак, изначально Арон был настроен против метафизических теорий прогресса, против веры в какое-то предопределенное движение к лучшему и тем самым к завершающей фазе истории.

Продолжая тему «Арон и неокантианцы», следует отметить его особое отношение к Максиму Веберу, к его философии истории, к его поиску границ исторического объективизма и обоснованию возможности субъективного выбора. Собственно, носителем последнего у Вебера выступал прежде всего историк, который, оглядываясь на прошлое, свободно отбирает факты, осуществляя своеобразную реконструкцию истории. Конечно, свободным историка можно признать лишь относительно, поскольку его выбор определяется ценностями эпохи, в которой он живет. Поэтому свобода историка существует лишь в рамках его ангажированности, он наделяет смыслом историю, вынося ценностное суждение о ней, которое, однако, имеет налет метафизичности, как и утверждения об определении истории божьим промыслом или высшим разумом. Но Вебер, как показывает Арон, преодолел метафизичность, обратившись за помощью к идее детерминизма. Если выбор историка продиктован ценностями, то связи между фактами он устанавливает соответственно

⁶ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. С. 137–138.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ Там же. С. 59.

требованию универсальной истины. Вот что привлекает Арона – обращение к детерминизму как неотъемлемой части позитивного исторического исследования. Вернее, Арон ценит у Вебера и тезис об ангажированности историка, и идею использования детерминизма в исторических исследованиях: «Вебер оставляет место субъективности и объективности, воле историка и необходимости вещей»⁹; «Отрицание метафизичности и утверждение каузальности, субъективность отбора фактов и объективность отношений – таковы направляющие идеи логики Вебера»¹⁰.

Детерминизм у Арона не имеет ничего общего с марксистской материалистической теорией причинности, с проникновением в сущность явлений, он означает 1) отношения регулярности в наблюдаемых событиях и 2) использование особого типа понятий, не понятий-обобщений, как в естественных науках, а «идеальных типов», в которых скомпонованы характерные черты изучаемого явления. Поясняя это, Арон писал: «Фактически, мы стилизуем, мы сохраняем только то, что нам кажется характерной чертой. Идеальный тип создается не путем обобщения, а путем утопической рационализации. Мы заменяем мысленным сверхчувственным изображением противоречия и бессвязность реальности»¹¹. У Вебера Арон встретился с представлением об идеальном типе западного капитализма, который занял такое большое место в его более поздних исследованиях, когда он сопоставлял западный капитализм и советский социализм. С его помощью можно ухватить «единичное» явление, выделяя, например, отличительные признаки западного капитализма и противопоставляя его другим экономическим системам. Арон так описывает это: «Мы выделяем тот или иной признак капитализма, который по той или иной причине привлекает наше внимание, и в зависимости от основного признака распределяем второстепенные. Получаем доступное пониманию целое, где сохраняется неповторимость и единство исторического индивида»¹². Идеальная типизация у Арона, как у Вебера, тесно связана с его представлением о многозначности истории, ее незавершенности, она определяет и сугубо вероятностный характер детерминизма.

Сейчас часто приходится слышать, будто история не имеет сослагательного склонения. Вопреки этому, Арон, вслед за Вебером, предполагал, что всякая писаная история заключает лишь частичную и относительную истину, ей всегда может быть противопоставлено другое видение тех же событий, где акценты могут быть расставлены совершенно иначе. Например, В.И. Ленин видел причину Первой мировой войны в империалистических устремлениях развитых капиталистических стран. Но можно представить ее как результат столкновения экономических и внешнеполитических интересов последних монархических держав в Европе (Германия, Австро-Венгрия, Россия).

Историзм против критицизма. Хотя Арон с глубоким сочувствием излагал взгляды представителей критической философии истории, в «Заключении» он выносит им довольно суровый приговор, говорит об упадке сциентизма, позитивизма и о провале «критицизма». Критики столкнулись с глобальными философскими проблемами, которые не смогли решить позитивными методами. Речь о «фундаментальных антиномиях» – «с одной стороны, между исторической релятивностью, кажущейся фактом, и универсальной истиной, требуемой разумом, а с другой стороны, – между инди-

⁹ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ Там же. С. 157.

¹² Там же. С. 157–158.

видуальными, отдельными и множественными перспективами и всеобщностью эволюции»¹³. Мысль Арона заключается в том, что критики, выступив с опровержениями метафизики, на деле не смогли отделаться от глобальных философских проблем, которые не поддаются решениям позитивными методами. Они были своего рода «данниками прошлого». Но они также, особенно Дильтей и Вебер, прокладывали путь новой философии, которую молодой Арон именуется «историзмом», «релятивизмом». Если «критицизм верит в науку», то «историзм» верит в философию, а не в критику и науку. Все критики ставили под сомнение возможность универсальной истинной философии и признавали бесспорной истину позитивных наук и логики. Но они внесли вклад в идею релятивности тем, что занимаясь вопросом о роли историка в конструировании прошлого, подчеркивали «связь ретроспекции с настоящим историка, активную роль ученого, который осуществляет выбор и организует исторический материал»¹⁴. При этом интерпретации истории оказываются релятивистскими и «даже если в теории утверждается универсальность, все равно проявляется влияние в смысле релятивности»¹⁵. Так критики выходят на новые философские темы, они отказываются рассуждать применительно к вечности, к абсолюту и хотят философствовать в реальности, в истории, говоря от лица индивида. Природа новой философии истории явственно обнаруживается, по Арону, в феноменологии и в экзистенциализме. В конце жизни, в «Мемуарах» Арон особо подчеркивал антипрогрессистскую направленность своих ранних работ и писал, что он понимал историю «не как панорамное видение всего рода человеческого, а как истолкование настоящего или прошлого, привязанного к философской концепции существования»¹⁶.

Основные идеи Арона из «Введения в философию истории». Главная философская книга Арона раннего периода также посвящена проблемам философии истории, т. к., по его мнению, «рефлексия над сознанием истории является началом философии», в ней речь идет о главном философском вопросе – «как индивиду удастся уловить человеческую тотальность?»¹⁷. Итак, его философия не позитивизм, не сциентизм, она скорее связана с философией экзистенции или с такой философской концепцией, «которая признает свою неотделимость от выражаемой ею эпохи и от предчувствуемого ею будущего»¹⁸.

Арон резко отделял человеческую историю от истории природы, принцип человеческой истории – самопознание человека, она представляет собой некий способ «сохранения прошлого в настоящем»¹⁹. Если посмотреть на историю видов животных, то они развиваются либо вследствие внутривидовых мутаций, либо под влиянием окружающей среды, а не потому что перенимают опыт предков; а человеческая история есть именно способ становления человека путем исследования им опыта прошлых поколений: «Человечество имеет историю, потому что оно ищет свое призвание»²⁰.

Итак, история, по Арону, непосредственно связана с сущностью человека и поэтому естественно, что он начинает свою философию истории с вопроса о том, как можно познать человека? Прежде всего, он говорит о методах по-

¹³ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. С. 199.

¹⁴ Там же. С. 197.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Арон Р. Мемуары. М., 2002. С. 133.

¹⁷ Арон Р. Избранное. С. 247.

¹⁸ Там же. С. 218–219.

¹⁹ Арон Р. Introduction à la philosophie de l'histoire. P., 1968. P. 43.

²⁰ Арон Р. Избранное. С. 239.

знания, каковых он отмечает, как уже было сказано выше, два – понимание и установление каузальных связей. Арон был хорошо знаком с трактовками понимания у В. Дильтея, К. Ясперса или З. Фрейда, сам он под пониманием имел в виду схватывание «значения» или «смысла» того или иного акта индивида или коллектива, который можно выделить, не обращаясь к разработке стоящих за этим актом причинно-следственных связей: «Мы говорим о понимании, когда сознание выявляет значение, которое будучи имманентно действительности, было или могло быть мыслимо теми, кто его пережил или реализовал»²¹.

Самопознание и познание другого. Переходя к конкретному разбору понимания как формы познания, Арон, прежде всего, затрагивает вопрос о познании человеком самого себя, своего прошлого. Наблюдатель, будь то даже в случае познания им самого себя, не в состоянии отразить целиком живой опыт, он его рационализирует, разбивает на моменты и добивается таким путем установления его единства, но это рационализированное «сконструированное единство», а не живой опыт в его сложности и цельности: «Как только человек захочет себя познать, он становится объектом для самого себя и вследствие этого недостижимым в своей интегральности»²².

В ходе анализа особенностей самопознания Арон высказывает мысли, не новые для него, занимающие важное место в его философии истории. Прежде всего, это тезис о том, что нельзя полностью понять историю, которая не завершена, она длится и каждый новый момент открывает ее новые стороны. Вторая мысль касается соотношения прошлого, настоящего и будущего в индивидуальной и коллективной истории. С одной стороны, мы смотрим на прошлое с позиций настоящего и того, кем мы хотим быть, выбирая тем самым себе прошлое, с другой стороны, мы творим будущее, отталкиваясь от своего прошлого опыта: «В каждый момент мы должны вновь создавать наше Я, связывая прошлое с настоящим. Так соединяется в непрерывно обновляемой диалектике ретроспективное познание и выбор, принятие данного и усилие по его преодолению. Мы раскрываемся как в действии, так и в интроспекции»²³.

Мысли о трудности воспроизведения в знании незавершенного живого опыта и обусловленности его характера точкой зрения наблюдателя Арон высказывает и говоря о познании другого. Мы осуществляем рациональную реконструкцию живого опыта другого, причем может существовать множество реконструкций, различие между которыми определяется точкой зрения того или иного наблюдателя. Арон приходит к выводу, что адекватное познание другого недостижимо, сознания, взятые в их конкретной целостности, «являются навеки отделенными друг от друга»²⁴. «Интеллектуальная коммуникация» посредством языка и коммуникация в общем действии не уничтожает разъединенности сознаний, а очерчивает их общую функцию в качестве членов социальной группы. Это свидетельствует о присутствии в действиях людей безличностных, анонимных моментов социального происхождения.

Индивид и общество. От рассмотрения отношений между «Я» и «Другим» Арон незаметно переходит к вопросу о соотношении между индивидом и обществом. Он уклоняется от утверждений в духе альтернативы. Тем не менее он на деле высказывается в либеральном духе в пользу индивидуализ-

²¹ Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. P. 59.

²² Ibid. P. 71.

²³ Ibid. P. 74.

²⁴ Ibid. P. 80.

ма, об этом свидетельствует его трактовка исторического знания, хотя у него встречаются утверждения, согласно которым коллективная общность является исторически первой в отношении индивида и объективного разума в отношении исторического сознания: «Люди достигают сознания, безотчетно усваивая некоторую манеру мыслить, судить, чувствовать, которая принадлежит определенной эпохе, отличает нацию или класс. Прежде чем отделиться и изолироваться, умы открыты вовне, они являются похожими, если так можно сказать, прежде чем стать различными. В качестве социальных они непосредственно разделяют различные очевидности и убеждения. Биологическая индивидуальность является данностью, человеческая индивидуальность личности конструируется, исходя из общей основы»²⁵. Та же мысль высказывается им иначе: «В индивидуумах и через индивидуумов общие представления становятся ясными, в них и через них реализуют себя общности, которые всегда им предшествуют и всегда их превосходят»²⁶. И все же Арон совсем не коллективист, что сказывается в его трактовке исторического знания.

Он трактует его по аналогии с самопознанием индивида и познанием другого, оно, как и последние, использует метод понимания. Обосновывается это тем, что за социальными феноменами (совокупностью институтов, религиозными и философскими системами, эстетическими и этическими воззрениями, государственностью) стоят психические события, они некогда были созданы людьми и пропитаны их интенциями. Поэтому они сопоставимы не с природными явлениями, а «с человеческими актами и творениями, которые надлежит интерпретировать на манер литературного или философского текста»²⁷. Как самопознание, так и познание другого демонстрируют «разрыв» между живым опытом и его реконструкцией в познании. Так же обстоит дело и с историческим знанием, только «разрыв» между знанием и его объектом достигает чрезвычайных размеров. Историк осваивает один из многих смыслов своего объекта, который для него постижим в зависимости от его собственной ситуации в современном ему мире. Обусловленность суждений историка настоящим и незавершенность истории определяют факт множественности ее интерпретаций. Арон смотрел на историю как непрерывный процесс человеческого творчества: история не завершена, прошлое не завершено, каждое последующее поколение, творя будущее, изменяет взгляд на прошлое: «Каждая эпоха выбирает себе прошлое, черпая в коллективной сокровищнице, каждое новое существование изменяет наследие, давая ему другое будущее и придавая ему другое значение»²⁸. В антидогматической философии истории Арона человек выступает не как неподвижная данность, он бесконечно развивается, совершенствуется, он «неисчерпаем», как неисчерпаемой оказывается историческая реальность: «Неисчерпаемо значение человека для человека, творения для интерпретаторов, прошлого для последующего настоящего»²⁹.

Арон и идея прогресса. Сложный вопрос для Арона представляет исторический прогресс, особенно если учесть, что история, наука не существуют у него сами по себе, а только через посредство историка. И для него чрезвычайно важна ценность, с точки зрения которой он смотрит на историю. Но Арон признавал, что в его время происходил распад ценностей. Общество не

²⁵ Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. P. 88–89.

²⁶ Арон Р. Избранное. С. 277.

²⁷ Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. P. 90.

²⁸ Ibid. P. 125.

²⁹ Ibid. P. 147.

имело ясных целей своего развития. Конечно, он называл иногда свободу как цель истории и указывал такое движение прогресса как переход от военных обществ к индустриальным, от механического единства к органическому, от пошлого к свободе как цели человечества. Но эти замечания крайне редки у него. И наряду с ними он допускал становление истории как смену эпох, каждая из которых существует сама по себе. Вера в прогресс предполагает веру в определенные ценности. Так, можно исследовать непрерывное развитие идей с точки зрения их ценности для того, что сегодня считается истиной. Тогда история идей принимает форму прогресса: «В той мере, в какой прошлое науки соотносено с настоящим, научное становление принимает неизбежно форму прогресса»³⁰. История науки представляет собой постоянное обновление, старые положения включаются в новую систему, приобретают новый смысл и т. д. Такой же подход Арон сохраняет, говоря о целостной истории: история как реальность не существует сама по себе, ее созидает историк, говоря с позиций сегодняшнего дня. Он пишет об историке: «Пророк после события, *он дает историю в перспективе* и его перспектива связана с настоящим, подлинно настоящим или настоящим, фиктивно перенесенным в прошлое и во всех случаях позднейшим в отношении того становления, которое описывают»³¹. Таким образом, прогресс – это результат распространения на прошлое точки зрения, продиктованной современными реалиями. С позиций настоящего определяется начало исторического процесса и его финальная цель. Историк, исследуя его эволюцию, постоянно переходит от начального пункта процесса к финальной точке и обратно, обеспечивая тем самым в итоге относительную и временную истину о ходе истории. Она неразрывно связана с теми «ирреальными конструкциями», которые выстраивает историк, указывая на различные возможности в прошлом. За счет этого преодолевается ощущение фатальности истории: «Ирреальные конструкции должны остаться составной частью науки, даже если они сохраняют двусмысленное правдоподобие, ибо они дают единственное средство уйти от *иллюзии* ретроспективной фатальности»³².

Арон не раз повторяет, что невозможно дать целостную картину человеческой истории. Выводы относительно перспектив целого имеют «произвольный» и «метафизический» характер. При этом «социолог заменяет вероятностные рассуждения метафизическими декретами»³³. Он отрицает идею марксистов о том, что экономика является определяющей причиной в истории: «Проблема заключается в том, чтобы понять почему, как такое-то предшествующее явление может быть названо *настоящей* или *последней* причиной. Мы проанализировали механизм исторического исследования: немислимо, чтобы можно было сказать заранее и всеобщим образом, какое предшествующее явление служит определяющей причиной. По какому праву делают остановку в регрессии? Вне экономического предшествующего выявляются другие, неэкономические предшествующие»³⁴. Нет абсолютных первых причин в истории: ни естественные факторы (географическая среда, раса), ни социальные факторы (плотность народонаселения, экономика, политика) не являются абсолютными причинами исторических преобразований. В силу сказанного, предвидения относительно будущего, по Арону, возможны только в отношении его частных черт, а не в отноше-

³⁰ Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. P. 154.

³¹ Ibid. P. 164.

³² Ibid. P. 230.

³³ Ibid. P. 304.

³⁴ Арон Р. Избранное. С. 308–309.

нии будущего как целого. Таким образом, границей каузального синтеза является целостный объект, т. к. историческая каузальность имеет частичный и фрагментарный характер.

Человек и история. Заключительный раздел книги, названный «История и истина», раскрывает антропологический смысл философии истории Арона, ее тема – человек и история, человек в истории и история, понятая через природу человека, человеческой активности. Действующий в истории частичный детерминизм оставляет место для проявления человеческой воли, она вносит в историю или в повседневность определенную тотальность, которая имеет разный масштаб в зависимости от того, идет ли речь об индивиду или о большой группе людей, но эта тотальность имеет всегда относительный характер, она завершена лишь ретроспективно, но не в отношении будущего. Что касается полной тотальности, то она находится в бесконечном становлении, ею «обладал бы философ, если бы человек исчерпал свою историю, закончил бы творить самого себя и вообще творить»³⁵. Суть ароновского понимания человеческой деятельности полностью раскрывается в таком его высказывании: «Историческая тотальность не существует в себе, но для нас. Мы ее составляем из фрагментов, собранных и организованных ретроспективно посредством единства нашего интереса или единства, которое мы придаем эпохам или культурам. Непосредственное наблюдение раскрывает перед нами множество деятельностей и пробелы необходимости в объекте. Разрывы в каузальной сети оставляют место для действия, незавершенность и разнообразие миров – для решений личности»³⁶.

Трактуемая таким образом человеческая деятельность оказывается проявлением свободы и выбора в истории. С этой точки зрения Арон подходит даже к интерпретации марксистского проекта, создатели и сторонники которого претендовали на знание объективной необходимости в истории и отождествляли свободу с познанной необходимостью, а последнюю с социализмом. Арон предлагает другую, антропологическую интерпретацию марксизма: вывод о неизбежной победе социализма в результате классовой борьбы в капиталистическом обществе представляет собой исторический выбор и как таковой он относителен и выражает экзистенциальную позицию. В «Мемуарах» Арон писал, что всякий политический выбор, будь то коммунистический проект или либеральная демократия, ориентируется не только на соображения экономической и институциональной эффективности, такой выбор определяется и стремлениями воплотить тот или иной тип человека, основанного на принципах либо свободы личности, либо коллективного долга.

Арон разрабатывал философию свободы и выбора, но она глубоко отлична от концепции выбора, которую развивал его сокурсник по Высшей нормальной школе Ж.-П. Сартр. Арон настаивал на историчности выбора: в выборе индивид обнаруживает ситуацию, в которой он находится, политические цели, которые он принимает, ценности, которые он ассимилировал в своем духовном формировании. По убеждению Арона, историчность выбора не уничтожает свободы: «Свобода конкретного выбора ограничена природой общностей и историческими условиями. Но свобода индивида сохраняется целиком, ибо он судит историю в то же время, как он судит в истории»³⁷. Выбор осуществляется, поскольку «человек имеет за собой незаконченную историю или, скорее, он сам есть незаконченная история»³⁸.

³⁵ Арон Р. Избранное. С. 349.

³⁶ Арон Р. Introduction à la philosophie de l'histoire. P. 377.

³⁷ Ibid. P. 418.

³⁸ Ibid. P. 143.

У Арона свобода кажется очень благоразумной, она выбирает из имеющихся возможностей, она чужда бескомпромиссной свободе Сартра. Но Арону можно было бы возразить, что постулируемые им тотальности (высшая степень подчинения определенной воле окружающих обстоятельств и других индивидов) хотя и относительны, но могут на какое-то время, порой длительное, казаться абсолютными, они перекрывают своей властью возможности самовыражения индивидов и даже целых народов (это относится ко всем авторитарным режимам). То есть свобода как выбор из имеющихся возможностей не всегда может состояться, она присуща людям в определенных исторических обстоятельствах, в условиях демократии например. Часто история не предоставляет возможностей, а тащит за собой и индивидов, и общество в целом.

Кажется, что и Арон признает это, когда пишет, что если поведение индивидов поддается моральному суждению, то к истории оно неприменимо: оно «оказывается ничтожным перед чудовищным величием истории, подлежащей осуждению полностью, если ее измерять законом любви или императивом доброй воли»³⁹. Таков заключительный аккорд рассуждений Арона о незавершенности истории. Она дает место свободе и выбору индивидов и групп, но она же оборачивается чудовищным результатом действий людей, результатом, который никто не предвидел. В «Мемуарах» Арон так проясняет эту свою мысль о чудовищности истории и неморальном характере политических действий: «Должно ли подчинять вождя или властелина общему правилу? Он один среди многих, поэтому трудно избежать утвердительного ответа. Он ответственен за свое дело в большей степени, чем за свое поведение, – поэтому побуждение ответить отрицательно пересиливает»⁴⁰.

Главная книга Арона по философии истории завершается резюме, в котором он пишет о диалектике временных отношений – прошлого, настоящего и будущего – и о свободном выборе в истории, о «свободе во временности». Во временных отношениях он делает акцент на будущем, оно определяет трактовку настоящего и оценку прошлого, в свободе подчеркнута ее обусловленность прошлым и современной ситуацией и обращенность к будущему, которое протянуто в бесконечность. В целом, пишет он, «существование человека является диалектическим, то есть драматическим, потому что он действует в несвязном мире, берет на себя обязательства вопреки временности, ищет истину, которая ускользает, не имея другой опоры кроме фрагментарной науки или формального размышления»⁴¹. Можно так охарактеризовать мысль Арона об истории – люди свободно выбирают свои цели, а история наполняет их действия смыслом, которого они не предвидели, история – это мириады действий, и какой смысл обретет историческое действие в конечном счете, никому не известно. Вернее, из действий людей рождается «чудовищное величие истории», которое извращает всякий выбор, всякий индивидуальный поступок.

Р. Арон и французские экзистенциалисты. Философские идеи, высказанные Ароном в его работах конца 1930-х гг., занимали его и после окончания Второй мировой войны. Он тогда много критиковал французских левых – Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, Л. Альтюссера. Адресованную им критику он собрал в работе «Мнимый марксизм». Названные левые не принимали догматический марксизм, происхождение которого они вели от Ф. Энгельса, В.И. Ленина, но хотели сохранить ценные идеи из наследия Маркса. Так,

³⁹ Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. P. 420.

⁴⁰ Арон Р. Мемуары. С. 144.

⁴¹ Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. P. 437.

Сартр принимал у Маркса идею деятельного начала (*praxis*), но взамен идеи о тотальном синтезе истории он выдвинул тезис о множественности тотальностей, которые рождаются в результате действий индивидуального или коллективного субъекта истории.

Арон видел позитивные моменты у Сартра и Мерло-Понти, ценил диалектику Сартра, его идею о том, что различные протестные движения, если они и завершаются победой, постепенно изживают себя, революционный пыл его сторонников угасает и единение людей, существовавшее в пору борьбы, распадается. Революционные цели, будучи воплощены в реальности, утрачивают свой прежний смысл, превращаются в отчужденную инертную действительность, которая превращает людей в рабов старых лозунгов и устремлений. Тогда постепенно формируется новое революционное братство, которое стремится разрушить инертную действительность бытия и утвердить новые цели исторической борьбы. Эту диалектику, которая включает движение от разрушения инертного бытия в порыве к свободе индивидов и групп и последующему распаду вновь утвержденных целей, их превращение в «практико-инертное», Арон считал верным отражением революционных ситуаций в истории: революции постоянно предают, а достижение выдвинутых ими целей завершается распадом революционных групп и искажением самого смысла их исторического деяния⁴².

В статьях сборника «Мнимый марксизм» Арон дал и критический разбор книг Мерло-Понти «Гуманизм и террор» и «Приключения и злоключения диалектики». Он отмечал сходство философских позиций Сартра и Мерло-Понти, когда последний писал о существовании в истории «прекрасных мгновений», «высших точек», когда субъект и объект, прошлое и будущее, индивид и коллектив соединяются в революционном действии. Тогда как будто проявляется «истина истории», но мгновение заканчивается, утверждается новое общество, которое далеко от революционности, возникает новая элита, партия бюрократизируется и т. д. Арон возражал, что нельзя найти истину истории в перманентной революции, ибо в ней открывается незавершенность истории и, следовательно, неокончателность ее истины.

Позже, уже в восьмидесятые годы XX в., Арон в «Мемуарах» подверг критике книгу Сартра «Критика диалектического разума», его диалектический метод, сведенный к движению абсолютного революционного негативизма в истории. Арон признавал у себя нечто общее с Сартром, оно – в рассмотрении механизмов, «посредством которых индивиды создают мир предметов и установлений, среди которых чувствуют себя чужими. *Praxis*, вопреки своей направленности, наталкивается на противоположную направленность того, что она создала. Такое видение истории не противоречит моему, которое вытекает из «Введения», однако по некоторым основным вопросам, одновременно философским и политическим, наши точки зрения противоположны»⁴³. Главное в том, что Сартр увязывал свою философию бунта с деятельностью коллективности («толпы»), которая всегда направлена против власти и сопряжена с насилием, тогда как Арон соотносил выбор с деятельностью индивидов. Сартр безоговорочно принимал идею насильственной революции, Арон же, хотя придерживался в своем «Введении» философии выбора и свободы, подразумевал при этом, что исторический выбор не обязательно ведет к революционному негативизму, он скорее является чем-то

⁴² Эту логику освобождения и нового порабощения можно хорошо проследить по истории русской революции 1917 г., когда славные революционные цели свободы и равенства оказались прикрытием для реалий бюрократического государства.

⁴³ Арон Р. Мемуары. С. 641.

средним между принятием действительности и революционным ее отрицанием. Арон не чувствовал себя абсолютно свободным от прошлого, Сартр же полагал, что его можно безусловно отринуть, и оба были противоположны Марксу с его идеей тотального синтеза истории.

Здесь уместно снова затронуть вопрос о сущности прогресса у Арона, на этот раз в связи с теориями Сартра. В философии Сартра нет места для идеи прогресса, поскольку каждый шаг истории представляется объектом тотального отрицания, вся история есть череда таких отрицаний, нет накопления позитивных перемен, история – это кладбище значений, которые утверждались в разрозненных актах *praxis*. Правда, в «Критике диалектического разума» Сартр очерчивает единую направленность истории к ликвидации «нехватки», но движение истории в этом направлении не было им внятно прослежено и увязано с его исторической диалектикой. У Арона отношение к прогрессу иное, он не отрицает его, но постулирует множество его линий. Прогресс – это интерпретация истории с позиций определенной цели, выбранной тем или иным индивидуальным или коллективным субъектом, это проекция будущего на прошлое. Он имеет многообразный характер, всегда частичен и не претендует на всеобъемлющую тотальность. Напротив, всеобщей истории как бы нет, история всегда имеет незавершенный характер, а множественность выборов влияет на то, что результат моего выбора может оказаться совершенно неожиданным, так что верно было бы сказать, что история искажает выбор определенного субъекта, отчуждает его от действительности. Но если бы Арон остановился на этом видении истории, он был бы подобен Сартру, а он признаёт ценность прошлого, которое входит как позитивный элемент в настоящее и воздействует также на видение будущего.

В пору написания статей с критикой французских левых Арон уже начал разрабатывать теорию единого индустриального общества. Она была направлена на демистификацию советского социализма в глазах западных левых, которые видели в советском социализме образ будущего для своих стран. Переориентация Арона на исследование индустриальных обществ изменила не только предмет его философии истории, но и ее метод. Если раньше он рассматривал диалектику человеческой деятельности, место в ней свободы и выбора, если раньше его философия истории могла быть названа антропологической, то теперь Арон переходит к макроанализу, касающемуся сопоставления индустриальных обществ, характера их производственных и экономических моделей, своеобразия их культур. Но некоторая преемственность с принципами ранних философско-исторических работ сохраняется. Сохраняется принцип вероятностного детерминизма, принявший форму идеально-типического моделирования индустриальных обществ, согласно которому они неоднозначны, включают несколько типов экономических и политических режимов. Сохраняется и идея незавершенности истории, что выразилось в утверждении гетерогенности культур, отрицания ее универсальности. В этом духе Арон писал, что индустриальная цивилизация, неся в себе материальную унификацию регионов мира, оставляет в неприкосновенности творческую свободу искусств, все области за пределами «рационального и производительного труда». Позже, в семидесятые годы XX в. Арон в «Лекциях по истории» еще более изменил свои взгляды на философию истории, уходя от точки зрения своих ранних философских работ, но все же сохранив главную свою мысль о свободе выбора индивидов, об их историческом творчестве. Но эти темы требуют особого анализа.

Список литературы

- Арон Р. Воображаемые марксизмы / Пер. с фр. И.А. Гобозова. М.: Либроком, 2010. 375 с.
- Арон Р. Избранное: Введение в философию истории / Пер. с фр. И.А. Гобозова. М.; СПб.: Университет. кн., 2000. 595 с.
- Арон Р. Мемуары / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, Л.Г. Ларионовой. М.: Ладомир, 2002. 871 с.
- Aron R. Introduction a la philosophie de l'histoire. Paris: Gallimard, 1968. 250 p.

**Incompleteness of history as a philosophical principle
in the early works of Raymond Aron**

Elena Samarskaya

DSc in Political Science, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Volkhonka Str. 14/5, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: Helene-Samarskaya@yandex.ru

The present article examines Raymond Aron's view of history as laid down in his early philosophical writings. It proceeds from the assumption that Aron's position was not immune to changes, so the position he took during the 60s would differ from the one he held toward the end of the 30s. It is important to note, however, that from the very start his stance was clearly anti-metaphysical and subjected to major influence from German neo-Kantians of the late 19th – early 20th century. From those philosophers Aron inherited the principle of understanding as a means of cognizing the past, but in doing so he rejected the intuitionist approach influenced by Dilthey and gave it an intellectualist interpretation which assumes that the understanding of past events must be based on recreating the historical situations and the respective decisions made by the subjects of history. Moreover, Aron was critical of scientific tendencies typical of neo-Kantian thinking: he maintained that it proved helpless when faced with major philosophical problems which are unyielding when approached with positivist methods. At the same time, Aron recognized that neo-Kantians paved the way to the new, non-metaphysical philosophy which in his early writings he designates as 'historism' or 'relativism'. In his main philosophical work of the early period, *Introduction to the Philosophy of History*, Aron concentrates on the activity of an observer of the past, a historian. The latter judges history from the present, according to his personal experience, and gives a rational reconstruction of historical events. The dependence of historian's view on the present and the incompleteness of history make the multiplicity of its interpretations legitimate. The notion of progress turns out to be an extrapolation of a present viewpoint onto the past. Aron's early texts, such as the *Critical Philosophy of History* and the *Introduction to the Philosophy of History*, are marked by an anthropological approach to history. During the 50s and 60s his attitude changes as a result of his studies of global industrial society. Aron passes to the macroanalysis of history and gradually develops a strategic approach to it which eventually closes the cycle of historic interpretations which had the theory of understanding at its beginning.

Keywords: philosophy of history, progress, neo-Kantianism, theory of understanding, determinism, totality, existentialism, historism

Referenses

Aron, R. Introduction a la philosophie de l'histoire. Paris: Gallimard, 1968. 250 pp.

Aron, R. Izbrannoe: Vvedenie v filosofiyu istorii [Selected Writings: Introduction to the Philosophy of History], trans. by I. Gobozov. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2000. 595 pp. (In Russian)

Aron, R. Memuary [Memoirs], trans. by G. Abramov & L. Larionova. Moscow: Ladomir Publ., 2002. 871 pp. (In Russian)

Aron, R. Voobrazhaemye marxizmy [Marxism and the Existentialists], trans. by I. Gobozov. Moscow: Librocom Publ., 2010. 375 pp. (In Russian)